

Novaia i noveishaia istoriia. 2013-2021

ISSN 0130-3864

URL - <http://nni.jes.su>

All right reserved

Issue 6 Volume . 2019

The Image of Russia in the French Press and in the Letters of the Napoleonic Great Army's Soldiers

Andrey Gladyshev

*Saratov State University
Russian Federation, Saratov*

Abstract

Keywords list (en):

Date of publication: 05.12.2019

Citation link:

Gladyshev A. The Image of Russia in the French Press and in the Letters of the Napoleonic Great Army's Soldiers // Novaia i noveishaia istoriia. – 2019. – Issue 6 С. 199-201 [Electronic resource]. URL: <https://nni.jes.su/s013038640007618-7-1/> (circulation date: 08.05.2021). DOI: 10.31857/S013038640007618-7

1 Французы писали о России много, на тему «Россия и русские глазами французов» и в России, и во Франции есть несколько объемистых исследований и диссертаций со своими достоинствами и недостатками. Концепция предзнания «Другого», корректирующегося в ходе непосредственной встречи с этим «Другим», давно стала предметом размышлений различных философов и культурологов. Историки же не столь часто стремятся раскрыть диалектику этнических взаимовосприятий. Тем приятнее приветствовать усилия Н. В. Промыслова, взявшегося за подобную непростую задачу.

2 Первая часть книги Н. В. Промыслова посвящена французской прессе, вторая – мемуарам (избирательно) и письмам солдат Великой армии Наполеона. Поскольку в заглавие книги вынесено – «общественное мнение», возникает вопрос, можно ли (или в какой степени) считать нарративы солдат выражением общественного мнения? В современной литературе

доминирует точка зрения, в соответствии с которой говорить о специфическом феномене «общественного мнения» допустимо начиная с XVIII в.. Но при этом в исторической науке не сформировано единого общепринятого определения этого понятия. Под «общественным мнением» часто понимают отношение той или иной группы (совокупности людей) к какому-то явлению (событию, процессу и т.п.). При этом одни авторы утверждают что это отношение может быть «как явным, так и скрытым», другие, что только «публично выраженным». Для одних это механическая сумма некоего множества высказываний, для других – органический продукт коммуникации под названием «коллективное суждение». Кто-то ассоциирует общественное мнение с мнением «общества» в целом, кто-то – с отдельным представителем «общественности», а кто-то – только с той или иной его частью.

3 Оставив в стороне споры, насколько выборы, референдумы, опросы, – все, что призвано отражать общественное мнение, – отражает его (с большой погрешностью или не отражает вовсе), отдадим должное пропаганде как инструменту манипуляций с общественным мнением. Н. В. Промыслов, отследив с 1792 г. основные вехи формирования во Франции целостной системы государственной пропаганды, сделал два наблюдения. Во-первых, в наполеоновской Франции независимость суждений со стороны журналистов допускалась только в статьях по литературе, искусству и наукам (с. 30). Во-вторых, судя по публикациям в официальной «Moniteur», начиная с Тильзитского мира, упоминания о России становятся все реже.

4 Если судить по публикациям все в той же «Moniteur», накануне 1812 г. французские газетчики позволяли себе в отношении России лишь полуфантастические описания природно-климатических особенностей этой далекой и малоизвестной страны (с. 37). Главная газета Франции писала о жизни петербургского двора, о численности населения, строительстве флота, развитии экономики России, о российском Кавказе и Дальнем Востоке и участии России в различных войнах... Какой-то особой «идеологической» подготовки к началу войны с Россией не было, но, по мнению автора, это говорит лишь о том, что французское общество исподволь готовили к будущей войне, реконструируя прежние стереотипы. Читатели должны были прийти к заключению, что война с Россией неизбежна, поэтому воевать с ней лучше сейчас, пока она не набралась сил и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором (с. 53).

5 Вторжение французской армии в 1812 г. в Россию потребовало кристаллизации негативных представлений о русском мире. Основным источником информации о ходе кампании для французов были все те же центральные парижские газеты, но теперь в них публиковались лишь официальные бюллетени.

6 Из газет и многостраничных компиляций французы узнавали, что Александр I в плане понимания международной ситуации и государственных интересов России недальновиден, русская армия слаба, казахи лошади плохи, кавалерия не знает правил верховой езды, французы помогут русским избавиться от английского влияния, поляки и литовцы готовы оказать французам массовую поддержку, даже англичане недовольны «варварскими методами» ведения Россией войны, наконец, французы не отступают, а «переходят на зимние квартиры» (с. 78).

7 Помимо донесений чисто военного характера французская пропаганда не забыла и традиционные для описания России темы: российское социально-политическое устройство и климат. Как подметил Н. В. Промыслов, без упоминаний о погоде в России не обходился практически ни один бюллетень Великой армии (с. 90). Французским солдатам мешали то сильная жара, то необыкновенная грязь, то неожиданные морозы. В бюллетене от 3 декабря 1812 г. сообщалось, что начавшиеся месяц назад морозы «вдруг усилились», лошади умирали тысячами, поэтому армия лишилась кавалерии, артиллерии, обозов.

8 Конечно, пропаганда оказывала влияние и на мемуары, и на личную переписку военных наполеоновской армии, но, как полагает автор, «общий эмоциональный фон описаний является авторской картиной событий» (с. 134). При этом Н.В. Промыслов четко отличает характеристики мемуарных и эпитолярных источников. Несколько сотен мемуаров, в которых рассказывается более или менее подробно о кампании 1812 г., в большинстве случаев принадлежат офицерам, но некоторые написаны и рядовыми: о России в 1812 г. вспоминали и маршалы, и сержанты.

9 Что касается солдатских писем как формы выражения общественного мнения, то тут требуются некоторые пояснения. Во Франции начала XIX в. еще было распространено коллективное чтение писем. Их читали вслух в кругу семьи, знакомых или односельчан. Фактически это был альтернативный официальной пропаганде источник информации. Французы в те времена, имея в виду наполеоновскую печатную продукцию, любили выражаться «врет, как бюллетень»; частные же письма, предполагалось, были свободны от преднамеренной пропаганды.

10 В частной переписке писали не столько о военных маневрах и стратегических замыслах, сколько о повседневной жизни, о сослуживцах, о насущных проблемах: самочувствии, питании, условиях ночлега, состоянии собственного гардероба, о личных финансовых и семейных делах и даже об увлечениях. Некоторые не забывали подать прошение императору о предоставлении сыну бесплатного места в лицее или дать наставления ученику (с. 125-126).

11 Конечно, авторы писем понимали, что их корреспонденция может быть проверена полицией, да и родственников хотелось успокоить, поэтому твердили: «у меня все хорошо». Письма могли перлюстрироваться, в них жалоб содержится гораздо меньше, чем в мемуарах.

12 Мемуаристы же словно соревновались в жалобах на тяготы, связанные с походом. Н. В. Промыслов значительное внимание уделил пересказу стенаний французов на свое материальное и физическое состояние. Пожалуй, самая распространенная у мемуаристов тема – пропитание. Французы бесконечно жаловались на голод или плохое качество пищи и непременно пересказывали истории о съеденных лошадях, кошках, а иногда и людях. Упоминались и картофелины размером с грецкий орех, и краюхи черного, как уголь, хлеба, замешанного с мякиной и соломой в палец длиной и зернами ржи (с. 137).

13 Примерно так же часто, как тема питания, в переписке участников похода обсуждался ночлег. То французы восхищались богатством помещичьих усадеб, то удивлялись бедности крестьянских жилищ (с. 221). Снабжение армии путем закупок провианта и фуража у населения было невозможно отсюда и мародерство как по отношению к местному населению, так и по отношению к своим же товарищам по оружию. Цивилизованные французы из-за российских условий сами стали превращаться в варваров. При этом мало кто из участников похода задумывался о роли интендантских служб в неудовлетворительном снабжении продуктами, фуражом и теплыми вещами.

14 Эти сетования и жалобы можно было бы оставить без внимания. Но отрицательные эмоции в воспоминаниях французских участников кампании 1812 г. будут прочно ассоциироваться с Россией и русским миром: «В результате для читателя переживаемые армией лишения становились частью образа России, что только дополняло представление о ее цивилизационной отсталости» (с. 180).

15 Даже военные действия русские вели на манер варваров, активно используя казаков и крестьян. Наполеоновские бюллетени твердили о трусости казаков, в то время как для многих солдат казаки стали настоящим кошмаром. На них жаловались и нижние чины, и

французские генералы.

16 Что касается народов Российской империи, то потенциальные союзники – поляки и литовцы – не оправдали возлагаемых на них французами надежд, жадные и склонные к обману евреи достойны лишь презрения. «Мужики» – едва ли не отдельный «народ» – наиболее невежественная, грубая и варварская часть российского общества, неуважающая закон, а понимающая лишь кнут да палку, а помещики чаще всего – лишь пародия на вельмож XVIII в.

17 Не соответствует французским представлениям о цивилизованности и религиозность русского народа, принимаемая за варварство. Никто в Европе, кажется, не возмущался так, как в России, что французы используют церкви под конюшни. Но в 1814 г. французы, для которых религия, казалось бы, не имела уже большого значения, будут обвинять в том же самом казаков. Н. В. Промыслов отмечает, что и мемуары, и письма испытали на себе сильное влияние стереотипов, сложившихся во французском общественном мнении еще к началу войны: «частная корреспонденция вольно или невольно подтверждала многие установки официальной пропаганды, способствуя укреплению в общественном мнении Франции и Европы в целом образа России как отсталой и нецивилизованной страны» (с. 199).

18 Представления о географии России у большинства французов оставались весьма приблизительными, впрочем, как и представления о географии других неевропейских стран. Некоторые участники похода в Россию вообще думали, что идут в конечном счете в Индию. Архетипы восприятия русских как «северного народа» не исчезли, но под влиянием наполеоновской пропаганды стрелки компаса сместились на восток, с которым и должна была ассоциироваться угроза варваризации Европы (с. 279).

19 Участники похода в частных письмах от конца сентября выражали удивление инею и снегу, а с начала ноября жалобы на холод становятся всеобщими. Французские обыватели удивлялись, как в начале ноября реки в России можно было перейти по льду. Так укреплялась «климатическая» теория поражения Великой армии, обозначенная уже в 28 – 29 бюллетенях Великой армии: победить стихию не в силах даже гений Наполеона (с. 286).

20 «Цивилизованные» французы вынуждены сражаться в России не только с людьми, но и с многочисленными стихиями (жарой, морозами и снегом), дикими животными (медведями и волками), а также преодолевать огромные и пустынные пространства (с. 293). Это не просто кампания, это – эпос, достойный пера нового Гомера.

21 Н. В. Промыслов подчеркивает: у французов «в описаниях России и российского населения в письмах и сочинениях мемуарного характера преобладали стереотипные трактовки и литературные клише, выработанные в сочинениях прошлых эпох» (с. 301). Такой подход оставляется за рамками попытки выделить уровни восприятия «Другого», отделить архетипы, стереотипы и отрефлексированные мнения, что можно было бы сделать, обратившись к мемуарам. Тем не менее книга выводит читателя на размышления над рядом новых вопросов: о путях формирования образа (насколько в той или иной стране, в тех или иных конкретно-исторических условиях отдельные личности стремятся сформировать общественное мнение или же соответствовать ему), об имперском массовом сознании, о роли стереотипа в преодолении психологической травмы и т.д. Книга получилась интересная, ее можно рекомендовать всем, кто интересуется феноменом «общественного мнения».

Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии

Гладышев Андрей Владимирович

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, Саратов*

Аннотация

Ключевые слова:

Дата публикации: 05.12.2019

Ссылка для цитирования:

Гладышев А. В. Образ России во французской прессе и письмах солдат наполеоновской Великой армии // Новая и Новейшая история. – 2019. – Выпуск 6 С. 199-201 [Электронный ресурс]. URL: <https://nni.jes.su/s013038640007618-7-1/> (дата обращения: 08.05.2021). DOI: 10.31857/S013038640007618-7